

УДК 82.143

Жанр элегии в лирике В.А. Жуковского¹

Евгения Петровна Литинская

КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ
РОСОБРАЗОВАНИЕ – ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ», РОССИЯ
e-mail: litgenia@yandex.ru

В статье ставится задача рассмотреть одну из последних элегий В.А. Жуковского «Царскосельский лебедь» в контексте античных реминисценций. Конкретному филологическому анализу формы и содержания стихотворения предпосылается развернутый исторический комментарий, посвященный развитию жанра элегии в мировой литературе от античности до XIX в. В результате исследования автор приходит к следующим выводам. Стихотворение 1851 г. существенно отличается от романтических элегий раннего периода творчества и имеет сходство с древними античными образцами в этом жанре: по тематике оно восходит к архаической поминальной песне, из которой родилась ранняя греческая элегия, по характеру лирического размышления оно сближается с древнегреческой философской элегией, образная система стихотворения восходит к поэзии Горация. Рецепция античной поэзии у В.А. Жуковского имеет устойчивый характер на протяжении всего его творческого пути.

Ключевые слова: Жуковский, элегия, древнегреческая поэзия, Гораций, лебедь.

Постановка проблемы. Интерес В.А. Жуковского к античному искусству, изучение эстетической теории и художественной практики греко-

римского и европейского классицизма, занятия древними языками находят широкое применение в его деятельности поэта, переводчика, критика, теоретика и историка литературы, педагога и преподавателя, придавая ей масштабность, полноту и разнообразие. Современные исследователи рассматривают поэтическое творчество В.А. Жуковского как закономерный итог эволюции поэта от лирики к эпосу². Начав с последнего слова европейской литературы (Грей, Гёте, Шиллер, В. Скотт, Байрон, Саути), Жуковский в конце своего творческого пути как бы возвращается к её началу — гомеровскому эпосу: в 1842—1845, 1847—1849 гг. он переводит «Одиссею» Гомера полностью, все 24 песни, свыше 12 тысяч стихов.

Цель статьи. В статье рассматривается в контексте античных реминисценций одна из последних элегий В.А. Жуковского «Царскосельский лебедь», созданная в активный период работы русского поэта над эпическими произведениями. Конкретному анализу стихотворения Жуковского в элегическом жанре необходимо предпослать исторический комментарий, посвященный развитию этого жанра в мировой литературе.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Античные жанры в развитии русской литературы XIII—XIX вв.» (проект № 13-04-00250а).

² См. подробнее: Вацура В.Э. Русская идиллия в эпоху романтизма // Русский романтизм. — Л.: Наука, 1978. — С. 118—138; Янушкевич А.С. Путь Жуковского к эпосу // Жуковский и русская культура. — С. 166—79; Иезуитова Р.В. В.А. Жуковский. Итоги и проблемы изучения (к 200-летию со дня рождения поэта) // Русская литература. — 1983. — № 1. — С. 8—23; Макушкина С.Ю. В.А. Жуковский и Гомер: путь к эпосу: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Томск: Изд-во ТГУ, 2002. — С. 3.

Элегия относится к малым лирическим жанрам. Она имеет античное происхождение, название которого происходит от греческого слова *elegeia* «элегия, стихотворение, написанное двустихиями», этимологически родственного *elegos*, что буквально означает «жалобная песнь». Истоки этого жанра лежат в фольклорной (обрядовой) традиции оплакивания усопшего. «Из погребального плача по герою, из сопереживания страданиям умирающего и воскресающего бога сложился такой поэтический жанр, как элегия... Элегия исполнялась под *авлос*: самый „жалобный“ духовный инструмент у греков, представляющий собой трубку из тростника, кости, рога или меди» [10, с. 68]. И.М. Тронский отмечает, что «элегией в Малой Азии называлась заплачка, причитание, соответствующее греческому *threnos*'у; она исполнялась в сопровождении малоазийского инструмента, фригийской флейты» [17, с. 75].

Первые литературные воплощения элегии в Древней Греции относятся к VII в. до н.э., в этом жанре писали Архилох, Тиртей, Солон, Мимнерм, Каллин, Феогнид, Фокиид, Симонид и другие поэты. Характерным формальным признаком древнегреческой элегии становится особая строфическая структура: двустихие, состоявшее из регулярно чередовавшихся гекзаметра и пентаметра, которое позднее стало именоваться элегическим дистихом. «Мелодическое построение, вероятно, было уже свойственно старинной заплачке, и литературная элегия переняла его, вместе с аккомпанементом флейты. Следы былого траурного характера элегии сохранились также в использовании элегического размера для стихотворных надписей на надгробных плитах («эпиграмма», т.е. «надпись»), но по содержанию литературная элегия вышла далеко за рамки заплачки» [17, с. 75]. Она «не имеет, однако, обязательного скорбного характера: это — лирическое стихотворение наставительного содержания, заключающее в себе побуждения и призывы к важному и серьёзному действию, размышления, афоризмы и т.п. Элегии пелись на пирах и народных сходках» [17, с. 75].

Древнегреческая литературная элегия классического периода имела относительно небольшой объём, её отличительными чертами были «эмоциональная экспрессивность, непосредственная связь с современностью и дидактичность» [2, с. 32]. Её содержание было разнообразным, можно выделить следующие типы: воинственная, обличительная, печальная, политическая, философская, но имела общий характер лирического повествования. Филологи-

классики неоднократно подчёркивали широту жанра элегии и даже его эпичность, особенно на ранних этапах своего существования. И.М. Тронский отмечает: «Стиховая форма элегии (гексаметр и родственный ему пентаметр) сближала её с эпосом, и тематика её зачастую совпадала, особенно на первых порах, в VII в., с теми размышлениями, которые эпические поэты вкладывали в уста своих героев; язык элегии был поэтому близок к эпическому» [17, с. 75]. Н.А. Чистякова пишет: «Элегия оказалась тем видом словесного творчества, который вступил в своеобразное соревнование с эпосом. Она включила в себя современную действительность, осмысление и задачи организации которой предстояло раскрыть уже в помыслах и поведении современных людей. Близость элегии к эпосу вполне закономерна: их связывала общая лексика, метрическое родство, т.е. общее происхождение гекзаметра и пентаметра, наконец, общность целей» [19, с. 6]. С.И. Радциг уточняет: «Жанр элегии во многих отношениях близок к гомеровскому эпосу. Она пользуется тем же ионийским диалектом, теми же формулами и образами. Сами греки долгое время не отличали её от эпоса, называя то и другое одинаково эпосом» [12, с. 126].

Развитие жанра происходит в эллинистическую эпоху, когда элегия обогащается любовной, мифологической тематикой. Ярким представителем элегической поэзии этого периода был Каллимах. В его творчестве элегия приобретает отчётливое лирическое (субъективное) начало, когда в центр повествования становится личность поэта-рассказчика и его отношение к объекту изложения.

Римские поэты Галл, Тибулл, Проперций и Овидий подхватывают новаторство Каллимаха и создают изумительные образцы любовной элегии. Жанровые рамки элегии сужаются: мотивная и образная структура ограничивается исключительно темой мучительной любви. Римской элегии становится присущ автобиографизм, дидактизм. «Субъективный характер римской элегии отличает её от повествовательной любовной элегии на мифологические темы, которую культивировали эллинистические поэты. Главными персонажами элегии являются: юноша-поэт, автор любовных стихотворений, его возлюбленная, к которой обращены элегии, многочисленные соперники поэта, в том числе богатый воин. Любовные страдания, жалобы на неверность возлюбленной, описания свиданий, грусть по поводу разлуки, различные советы влюблённому — обычные мотивы римской элегии» [20, с. 356]. Для латинской

поэзии Средних веков и эпохи Возрождения античная элегия становится объектом подражания.

Жанр элегии продолжительное время находился на периферии. Истинный расцвет элегии происходит в эпоху предромантизма и романтизма. «Интерес к поэзии элегиков в новое время и их роль в мировой поэзии обусловлены тем, что они открыли новое отношение к любви, показали её духовность, увидели в ней осознанное и обогащающее мир человека чувство. Элегические поэты ввели в мир поэзии нового героя — тонко чувствующего и рефлектирующего» [22, с. 164]. Т. Грей и Э. Юнг создают свои знаменитые «унылые элегии», Э. Парни и А. Шенье — «любовные элегии», а Гёте реставрирует античные элегии в «Римских элегиях». Л.Г. Фришман пишет: «Элегические темы и мотивы оказались подходящим средством для выражения романтической неудовлетворённости жизнью. В эпоху романтизма были созданы непревзойдённые образцы элегической поэзии, в том числе русской» [18, с. 867].

Русская элегия впервые появляется в XVIII в. в творчестве В.К. Тредиаковского и А.П. Сумарокова. С первой трети XIX в. В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Е.А. Баратынский, Н.М. Языков, Ф.Н. Глинка развивают этот жанр и рождают удивительные по красоте элегические произведения. Элегия русских поэтов не имеет чётких формальных признаков, акцент в ней поэты делают на содержании. «Элегия — обширное лирическое повествование, оформленное в шестистопные ямбы. Обязательно медитативное произведение с этической проблематикой, в которой выделяется общечеловеческий вопрос о месте человека в мире, в природе. Элегия имеет специфическую психолого-эстетическую окраску. Элегическое раздумье всегда грустно, меланхолично, но не трагедийно, без надрывов, без буйства страстей. В элегии округление достоинств, разрешение диссонансов скорби в душевном просветлении» [7, с. 55]. Характерными чертами элегии можно считать интимность, мотив бренности земного бытия, мотив несчастливой любви, мотив одиночества, мотив разочарования. «Ход мыслей в элегии: я одинок в этом мире, но любовь помогает мне преодолеть одиночество моего существования, однако любовь оказалась призрачной, я ещё более одинок в этот вечерний осенний миг вечности, к которой принадлежит и моя жизнь. Так будем же ценить краткие мгновения бытия и счастья» [11, с. 48].

В.А. Жуковскому в процессе становления жанра элегии в России отводится особая роль.

В.Г. Белинский считал, что Жуковский «первый на Руси выговорил элегическим языком жалобы человека на жизнь» [2, с. 190]. Большинство элегий Жуковский написал в начальный период своего творчества, но регулярно обращался к этому жанру на протяжении всей жизни. Его творчество наполнено элегическими темами, образами, мотивами — элегизмами. Традиционно датой рождения русской элегии называется 1802 г., когда Жуковским были созданы перевод кладбищенской элегии «Сельское кладбище» Т. Грея и оригинальное стихотворение «Элегия» («Угрюмой осени мертвящая рука...»). Стихотворения «Вечер» (1806), «Славянка» (1816), «Море» (1822) стали воплощением идеального образца элегической поэзии.

Обратимся к анализу стихотворения «Царскосельский лебедь». По своему ярко выраженному медитативному характеру стихотворение может быть отнесено к жанру элегии. Согласно типологии жанра в античности мы можем отнести рассматриваемое стихотворение к философской элегии. Оно композиционно делится на две смысловые части, что, в свою очередь, подчеркнуто членением на строфы. Каждая из строф являет собой многостихшие. Первая строфа представлена 49 строками, состоящими из шести сложных предложений. В ней дано описание старого лебедя, его одиночества среди молодого поколения птиц (ст. 1 — 13), затем описываются молодые лебеди и идёт восхитительная пейзажная зарисовка (ст. 13 — 33), и далее мы видим картину противопоставления старости и молодости, когда вторая не принимает первую, оправдание старости былыми заслугами и славой (ст. 34 — 49). Вторая строфа включает 21 строчку и три — одно простое и два сложных — предложения. Всё внимание сосредоточено на образе старого одинокого лебедя, который на мгновение обретает силы, исполняет свою лебединую песню и умирает.

Жуковский использует шестистопный пиррихированный хорей, что является характерной чертой позднего поэта-лирика [8, с. 387 — 421]. Выбранный размер не является типичным для древнейшей элегии и её вариации в Новое время. Ритм, созданный выбранным размером, напевный, неспешный. Рифма богатая, способ рифмовки — смешанный. В стихотворении преобладают именные части речи, что придаёт повествованию статичность: 128 существительных и 53 прилагательных на 29 случаев употребления глагольных форм.

Характерной чертой поэтики Жуковского являются выразительные эпитеты, неповторимые метафоры, олицетворения и сравнения. Не

исключение и анализируемый текст: «лебедь белогрудый, лебедь белокрылый», «облаком перловым», «круг неблагосклонный», «в зеркале прозрачной влаги», «думой одинокой» — художественные определения, «сумрачный пустынный», «лебедь позабытый таял», «брызгов огненных» — метафоры, «гуляет месяц меж звездами», «не сетуй, старец, пращур лебединый», «вся Русь святая... вьётся под короной царской», «дни текли за днями», «гордо блещущей колонной» — олицетворения, лебеди «белым флотом стройно плавают» — сравнения и др.

В элегии Жуковский использует несколько стилистических приёмов. Наиболее частыми являются бессоюзие («Раз среди их шума раздался чудесно / Голос, всю пронзивший бездну поднебесной; / Лебеди, услышав голос, присмирили / И, стремимы тайной силой, полетели / На голос: пред ними, вновь помолоделый, / Радостно вздымая перья груди белой, / Голову на шее гордо распрямленной / К небесам подымаю, — весь воспламененный, / Лебедь благородный дней Екатерины / Пел, прощаясь с жизнью, гимн свой лебединый!» и др.) и инверсия («на лоне вод уединенных», «на молодое смотришь поколень», «кажутся волшебным призраков явленьем» и др.). Есть единичный случай градации: «А когда допел он — на небо взглянувши / И крылами сильно дряхлыми взмахнувши — / К небу, как во время оное бывало, / Он с земли рванулся... и его не стало / В высоте... и навзничь с высоты упал он; / И прекрасен мёртвый на хребте лежал он, / Широко раскинув крылья, как летящий, / В небеса вперяя взор, уж не горящий».

Стихотворение датируется концом 1851 г. Оно было написано всего за несколько месяцев до кончины поэта, за границей, в Баден-Бадене, куда вынужденно в связи с болезнью жены поэт переехал вместе с семьёй. В стихотворении отражены ностальгические настроения русского поэта, безумно скучающего по родине, переживающего уход близких друзей и ощущающего безграничность своего одиночества.

Впервые оно было опубликовано в сборнике «Стихотворения, посвящённые Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским. Карлсруэ, 1852». Русская публикация состоялась в журнале «Москвитянин» в 1852 г., где имела подзаголовок «Последнее стихотворение Жуковского» (хотя это было не так, поскольку поэтом позднее были созданы ещё два полных текста: стихотворения «Четыре сына Франции» и «Розы») и было понято современниками как поэтическая автоэпитафия Жуковского. Протоиерей о. Иоанн Базаров так откликнулся на

текст поэта: «Это была уже не детская басня, но какое-то таинственное описание прежде знакомого лебедя, который жил, был молод, состарился в одиночестве, пропел свою лебединую песню <...>. Прочитав это стихотворение и перевернув страницу, на которой последний (VI) номер составлял „Боже, царя храни!“», я невольно подумал: неужели это в самом деле предчувствие скорой кончины его самого, так поэтически изображённой в этих последних строках? Как бы то ни было, но после, когда я стоял над бездыханным телом Жуковского, мне невольно вторились его три последние стиха: И прекрасный мёртвый на хребте лежал он, / Широко раскинув крылья, как летящий, / В небеса вперяя взор уж негорящий...» [6, с. 740].

Об истории создания своего стихотворения Жуковский сам рассказывает в своём письме к П.А. Плётневу от 7 декабря 1851 г.: «Посылаю вам мои новые стихи, биографию Лебедя, которого я знал во время оно в Царском Селе. Об нём я вспомнил, увидя в Бадене Великую княгиню Марию Николаевну, которая была для меня явлением Руси на чужой стороне. Мне хотелось просто написать картину Лебедя в стихах, дабы моя дочка выучила их наизусть; но вышел не простой Лебедь; посылаю его вам; может быть, в его стихотворной биографии вы найдёте ту же старческую хилость её автора, какой страдал описанный им лебедь» [15, с. 723]. Друг восторженно откликнулся на стихотворение, хотя высказал несколько замечаний по тексту стихотворения, Жуковский принял их с благодарностью и исправил стихи [15, с. 726]. Известны и другие положительные отзывы друзей-поэтов. Так, П.А. Вяземский пишет следующие слова: «„Лебедь“ твой чудно хорош. Да что это за лебедь, вымысел, аллегория или бль?» [4, с. 70].

Источником стихотворения является реальный факт: лебеди жили в Царском Селе и со временем стали его символом. Как отмечает исследователь петербургского фольклора, историк Н.А. Синдаловский, «в центре парка (Екатерининского. — Е.Л.) был вырыт Большой пруд, в нём жили прекрасные белые лебеди. По осени лебеди не покидали Екатерининский парк. У них были подрезаны крылья. Рассказывают, что Александру I это так не понравилось, что он будто бы однажды пожурил садовника. „Когда им хорошо, — сказал император, — они сами здесь жить будут, а дурно — пусть летят куда хотят“. Говорят, после этого на глади Большого пруда появились новые лебеди, с неподрезанными крыльями. Вскоре почти все они разлетелись. Их можно было увидеть в Павловске,

Гатчине, в других местах. Но затем, ко всеобщему удивлению, лебеди вновь вернулись в Царское Село» [14]. «Лебеди — неотъемлемый атрибут царскосельских парков, красота этих птиц гармонировала с красотой царскосельского комплекса, что, видимо, и послужило оформлению мифа о них как местных духах-покровителях... Лебедь как реалья, как часть царскосельского парка присутствует у Г.Р. Державина („На восклицаящих смотрела / Поднявших крылья лебедей...“), Пушкина („в тихом озере, среди блестящих зыбей, / Станицу гордую спокойных лебедей“), Тютчева („белокрылые виденья, / На тусклом озера стекле... И тревогой мимолётной / Лебединых голосов...“), Анненского („Я будто чувствовал, что там её найду, / С косматым лебедем играющей в пруду“») [9, с. 216].

Жуковский не раз бывал в Царском Селе и не мог не видеть лебедей, о чём он сам пишет: «Этот лебедь не выдумка, а правда. Я сам видел в Царском Селе старого лебеда, который всегда был один, никогда не покидал своего уединённого пруда и когда являлся в общество молодых лебедей, то они поступали с ним весьма неучтиво. Его называли Екатерининским Лебедем» [6, с. 739].

Центральным образом элегии становится лебедь — образ не только автобиографический, но и иносказательный. Лебедь — символ возрождения, чистоты, целомудрия, гордого одиночества, благородства, мудрости, пророческих способностей, поэзии и мужества, совершенства. Существуют представления о способности души странствовать по небу в образе лебеда. Сочетая в себе две стихии: воздуха и воды, лебедь является птицей жизни и в то же время может олицетворять смерть [16]. Мифопоэтическая традиция античности считает лебеда, в первую очередь, птицей Зевса, Афродиты и Аполлона. Хорошо известен миф о превращении верховного бога-олимпийца, покорённого прекрасной Ледой, в грациозного лебеда. Благодаря своей красоте лебедь ассоциируется с богиней любви Афродитой. Белоснежный лебедь — символ Аполлона, бога солнца, музыки, поэзии [13, с. 363 — 397].

В римской поэзии образ лебеда-поэта разрабатывался в творчестве Горация. Так, в знаменитой оде 20 из книги II «К Мекенату» поэт предрекает своё бессмертие, описывает своё превращение в лебеда, песнь которого провозглашается на весь мир. Известно по крайней

мере девять перевыражений этого латинского текста в русской традиции, среди которых художественно выделяются тексты Г.Р. Державина, В.В. Капниста, А.А. Фета, А.А. Блока. Безусловно, ода Горация могла быть источником элегии Жуковского, поскольку в библиотеке поэта был ряд европейских изданий произведений Горация с параллельным латинским текстом: полное издание сочинений римского поэта с французским переводом Баттё и Райрара (Les Poésies complètes d'Horace. Traduites par Batteux et F. Reyraud. T. 1 — 2. P., 1803), а также итальянское издание од (Q. Horatius Flaccus. II Canconiere d'Orazio ridotto in versi toscani [da Stef.-Bened. Pallavicini]. Lipsia, G. Saalbach, 1736) [3]. Французский экземпляр издания Горация к тому содержит пометы Жуковского: отчёркнутый текст первых трёх и последней строф [6, с. 740].

Истоки стихотворения Жуковского также могут восходить, как уточняет Э. Жилиякова [6, с. 740], к «Приготовительной школе эстетики» Жана Поля Рихтера, которую поэт штудировал в конце 1810-х гг. и обратил внимание следующие строки: «Время настоящего завершено и округлено для юношей и слабых людей, они не испытывают потребности в будущем, — антипод своей эпохи, победитель эпохи, победитель её, уже победил все времена. А тот дух, любимый мною, — он подобен был лебедям, что в суровую пору не дают пруду застыть, непрерывно плавая по воде» [5, с. 399]³.

Позднее А.А. Воейкова отметила в дневнике: «Жуковский сделал сегодня восхитительное сравнение между следом, который лебедь оставляет на воде, и жизнью человека, которая должна всегда протекать бесшумно, оставляя за собой светлый и сияющий след, взирая на который отдыхает душа» [1, с. 391].

Таким образом, по словам Э. Жилияковой, «образ Лебеда в творчестве Жуковского связан с темой поэзии и судьбы поэта. В стихотворениях и рукописях он появляется неоднократно. Жуковский составил список символов, открывающийся образом лебеда: „Поэзия — лебедь, гений — орёл, счастье — жаворонок, смирение — голубь, бессмертие — бабочка, уединение — соловей, жизнь — журавль“ (РНБ, оп. 1, № 37, л. 24), а рядом сделал прозаический набросок под заглавием „Картина“: „На лоне озера спокойном недвижим // Сияет [небо] лебедь // Над ним сияет небо...“» [6, с. 740].

Необходимо учесть, что символика этой птицы в творчестве Жуковского непременно имеет

³ Подробнее см.: Янушкевич А.С. Немецкая эстетика в библиотеке В.А. Жуковского // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. — Томск: Изд-во ТГУ, 1984. — С. 181 — 188.

отпечаток христианской традиции, где белый лебедь — это чистота, милосердие, он ассоциируется с Девой Марией. Его предсмертная песня символизирует страдания мучеников и христианское смирение [16].

Выводы. Элегия «Царскосельский лебедь» становится произведением-реквиемом Жуковского. В поэтической форме воссоздана трагедия поэта, пережившего своё поколение и горько ощущающего своё одиночество в новую историческую эпоху. Стихотворение 1851 г. существенно отличается от романтических элегий раннего периода творчества и имеет сходство с ранними античными образцами в этом жанре. Так, по тематике оно восходит к архаической поминальной песне, из которой родилась ранняя греческая элегия. По характеру лирического размышления оно сближается с древнегреческой философской элегией. Оно содержит эле-

мент эпического повествования. В описании Царскосельского парка упоминаются памятники русским победам над турками в войне 1769 — 1774 гг.: в морской битве при Чесме в Эгейском море и битве при Кагуле под командованием П.А. Румянцева (обе — 1770). Обилие именных частей речи снимает динамизм, добавляет неспешность рассказу, подчёркивает повествовательность текста. Тем самым элегия Жуковского проявляет общее с древней элегией Греции, в которой присутствовало эпическое начало. Как мы уже говорили, творчество первого русского элегика развивалось от лирики к эпосу. Элегия была написана в пору активной работы поэта над эпическими произведениями: переводом «Одиссеи» Гомера и оригинальной поэмой, уввы, незаконченной, «Странствующий жид», — и потому ощутила на себе влияние повествовательных предпочтений автора.

СПИСОК ИСПОЛЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Афанасьев В. Жуковский / В. Афанасьев. — М. : Мол. гвардия, 1987. — 397 с.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. Г. Белинский. — М. : Изд-во АН СССР, 1955. — Т. 7. — 740 с.
3. Библиотека В.А. Жуковского: описание / [сост. В. В. Лобанов]. — Томск : Изд-во ТГУ, 1981. — Описания № 1339, 2654.
4. Гиллельсон М. И. Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского / М. И. Гиллельсон // Памятники культуры : Новые открытия : ежегодник—1979. — Л. : Наука, 1980. — С. 34—75.
5. Жан Поль. Приготовительная школа эстетики / Жан Поль. — М. : Искусство, 1981. — 448 с.
6. Жилиякова Э. Царскосельский лебедь / Э. Жилиякова // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. — М. : Языки русской культуры, 2000. — Т. 2. — С. 738—741.
7. Касаткина В. Н. Поэзия В.А. Жуковского / В. Н. Касаткина. — М. : Община, 1995. — 183 с.
8. Матяш С. А. Стих Жуковского-лирика / С. А. Матяш // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. — М. : Языки русской культуры, 2000. — Т. 2. — С. 387—421.
9. Никулина А. В. Сад и лебедь как мифологемы «Царскосельского текста» И.Ф. Анненского / А. В. Никулина // Культура и текст. — 2011. — № 12. — С. 211—218.
10. Поршнев В. П. Мусей в культурном наследии античности / В. П. Поршнев. — М. : Новый Акрополь, 2012. — 333 с.
11. Пронин В. А. Теория литературных жанров / В. А. Пронин. — М. : Изд-во МГУП, 1999. — 196 с.
12. Радциг С. И. История древнегреческой литературы / С. И. Радциг. — М. : Высшая школа, 1977. — 552 с.
13. Селиванова Л. Л. Аполлоновы лебеди (К семантике образа в религиозных представлениях античности) / Л. Л. Селиванова // Человек и общество в античном мире. — М. : Наука, 1998. — С. 363—397.
14. Синдаловский Н. А. Пушкинский круг. Легенды и мифы [Электронный ресурс] / Н. А. Синдаловский. — Режим доступа : http://www.e-reading.ws/bookreader.php/1020245/Sindalovskiy_-_Pushkinskiy_krug_Legendy_i_mify.html.
15. Сочинения и переписка П.А. Плетнёва. — СПб., 1885. — Т. 3. — 746 с.
16. Топоров В. Н. Лебедь [Электронный ресурс] / В. Н. Топоров // Энциклопедия символики и геральдики. — Режим доступа : <http://www.symbolarium.ru/index.php/Лебедь>.
17. Тронский И. М. История античной литературы / И. М. Тронский. — Л. : Учпедгиз, 1946. — 496 с.
18. Фризман Л. Г. Элегия / Л. Г. Фризман // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. — М. : Советская энциклопедия, 1975. — Т. 8. — 1136 стб.
19. Чистякова Н. А. Древнегреческая элегия / Н. А. Чистякова // Древнегреческая элегия. — СПб. : Алетейя, 1996. — С. 5—54.
20. Чистякова Н. А. История античной литературы / Н. А. Чистякова, Н. В. Вулих. — М. : Высшая школа, 1971. — 452 с.
21. Чистякова Н. А. Эллинистическая поэзия / Н. А. Чистякова. — Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1977. — 176 с.
22. Ярхо В. Н. Античная лирика / В. Н. Ярхо, К. П. Полонская. — М. : Высшая школа, 1967. — 212 с.

REFERENCES

1. Afanas'ev V. Zhukovskij [Zhukovsky]. – M.: Mol. gvardija, 1987. – 397 p.
2. Belinskij V.G. Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. [Omnibus edition: 13 v.]. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. – T. 7. – 740 p.
3. Biblioteka V.A. Zhukovskogo: opisanie [Library of the V.A. Zhukovsky: description] / [sost. V.V. Lobanov]. – Tomsk: Izd-vo TGU, 1981. – Opisanija № 1339, 2654.
4. Gille'son M.I. Perepiska P.A. Vjazemskogo i V.A. Zhukovskogo [Correspondence of P.A. Viazemsky and V.A. Zhukovsky] // Pamjatniki kul'tury: Nove otkrytija : ezhegodnik 1979. – L.: Nauka, 1980. – Pp. 34–75.
5. Zhan Pol'. Prigotovitel'naja shkola jestetiki [Preparatory School of aesthetics]. – M.: Iskusstvo, 1981. – 448 p.
6. Zhiljakova Je. Carskosel'skij lebed' [Tsarskoye Selo swan] // Zhukovskij V.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. – M.: Jazyki russkoj kul'tury, 2000. – T. 2. – Pp. 738–741.
7. Kasatkina V.N. Poezija V.A. Zhukovskogo [Poetry of the V.A. Zhukovsky]. – M.: Obshhina, 1995. – 183 p.
8. Matjash S.A. Stih Zhukovskogo-lirika [Verse of Zhukovsky-lyric] // Zhukovskij V.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. – M.: Jazyki russkoj kul'tury, 2000. – T.2. – Pp. 387–421.
9. Nikulina A.V. Sad i lebed' kak mifologemu "Carskosel'skogo teksta" I.F. Annenskogo [Garden and Swan as myths "Tsarskoye Selo text" by I.F. Annensky] // Kul'tura i tekst. – 2011. – № 12. – Pp. 211 – 218.
10. Porshnev V.P. Musej v kul'turnom nasledii antichnosti [Museum in the cultural heritage of antiquity]. – M.: Novyj Akropol', 2012. – 333 p.
11. Pronin V.A. Teorija literaturnyh zhanrov [Literary genres Theory]. – M.: Izd-vo MGUP, 1999. – 196 p.
12. Radcig S.I. Istorija drevnegrecheskoj literatury [The history of ancient Greek literature.]. – M.: Vysshaja shkola, 1977. – 552 p.
13. Selivanova L.L. Apollonovy lebedi (K semantike obraza v religioznyh predstavlenijah antichnosti) [Apollo Swans (By the semantics of the image in the religious conceptions of antiquity)] // Chelovek i obshhestvo v antichnom mire. – M.: Nauka, 1998. – Pp. 363–397.
14. Sindalovskij N.A. Pushkinskij krug. Legendy i mify [Pushkin's circle. Legends and Myths] [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : http://www.e-reading.ws/bookreader.php/1020245/Sindalovskij_-_Pushkinskij_krug_Legendy_i_mify.html.
15. Sochinenija i perepiska P.A. Pletneva [Writings and correspondence of the P.A. Pletnev]. – SPb., 1885. – T. 3. – 746 p.
16. Toporov V.N. Lebed' [Swan] [Elektronnyj resurs] // Jenciklopedija simvoliki i geraldiki. – Rezhim dostupa : <http://www.symbolarium.ru/index.php/Лебедь>.
17. Tronskij I.M. Istorija antichnoj literatury [The history of Ancient literature]. – L.: Uchpedgiz, 1946. – 496 p.
18. Frizman L.G. Jelegija [Elegy] // Kratkaja literaturnaja jenciklopedija: v 9 t. – M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1975. – T. 8. – 1136 col.
19. Chistjakova N.A. Drevnegrecheskaja jelegija [Ancient Greek elegy] // Drevnegrecheskaja jelegija. – SPb.: Aletejja, 1996. – Pp. 5–54.
20. Chistjakova N.A., Vulih N. V. Istorija antichnoj literatury [The history of Ancient literature]. – M.: Vysshaja shkola, 1971. – 452 p.
21. Chistjakova N.A. Ellinisticheskaja poezija [Hellenistic poetry]. – L.: Izd-vo Leningrad. un-ta, 1977. – 176 p.
22. Jarho V.N., Polonskaja K.P. Antichnaja lirika [Antique lyrics]. – M.: Vysshaja shkola, 1967. – 212 p.

Elegy genre in the lyrics of the V. A. Zhukovsky.

Litinskaia E.P., PhD (Philology), Assistant Professor, Petrozavodsk State University, Federal Agency – Federal Agency for Education, State educational institution higher education "Petrozavodsk State University", Russia, e-mail: litgenia@yandex.ru.

This article is devoted to investigation of elegy "Tsarskoye Selo Swan" by V.A. Zhukovsky in the context of ancient reminiscences. Philological analysis of the specific form and content of the poem is preceded by a detailed historical commentary on the development of the elegy genre in the world literature from antiquity to the 19th century. The author comes to the following conclusions. Poem of 1851 is significantly different from the romantic elegies early period of creativity and has similarities with ancient samples in this genre: by category, it goes back to the archaic memorial song, which was born out of the early Greek elegy, a lyrical meditation on the nature of it comes close to the ancient Greek philosophical elegy, imaginative system goes back to the poem poetry of Horace. Reception of ancient poetry by V. A. Zhukovsky has sustained throughout his career.

Keywords: Zhukovsky, elegy, ancient Greek poetry, Horace, swan.

Літинська Є. П. Жанр елегії в ліриці В.А. Жуковського.

У статті ставиться завдання розглянути одну з останніх елегій В.А. Жуковського «Царськосельський лебідь» у контексті античних ремінісценцій. Конкретному філологічному аналізу форми й змісту вірша передують розгорнутий історичний коментар, присвячений розвитку жанру елегії у світовій літературі від античності до ХІХ с. В результаті дослідження автор доходить наступних висновків. Вірш 1851 р. істотно відрізняється від романтичних елегій раннього періоду творчості і має схожість з древніми античними зразками в цьому жанрі: за тематикою він походить від архаїчної поминальної пісні, з якої народилася рання грецька елегія, за характером ліричного роздуму зближується з давньогрецької філософської елегією, образна система вірша перегукується з поезією Горация. Реценція античної поезії у В.А. Жуковського має стійкий характер протягом усього його творчого шляху.

Ключові слова: Жуковський, елегія, давньогрецька поезія, Гораций, лебідь.